

Сандайме называл это «Воля Огня». Воля к тому, чтобы никогда не сдаваться.

Она услышала торопливые шаги, за которыми последовал громкий удар и крик боли, и вздохнула. Ее дочь всегда была неуклюжей, когда торопилась. Рюми поставила тарелку с онигири на стол, как раз когда Кушина ворвалась в дверь, яростно массируя локоть.

- Доброе утро, мама, папа! - быстро сказала она, сделала несколько быстрых шагов к столу и схватила несколько онигири, засунув один в рот, а остальные положив в карманы.

Рюми вздохнула, когда ее муж спокойно отставил чашку чая и окинул дочь холодным взглядом.

- Куда это ты собралась, юная леди?

- Прости, папа, я ухожу, мифинг Минафо, - сказала она торопливо, продолжая жевать, кусочки еды вылетали изо рта.

- Кушина Узумаки, держись там, - резко сказал ее муж, и рыжеволосая девушка замерла, бросив на отца раздраженный взгляд.

- Папа, мне неловко...

- Не говори с набитым ртом.

Кушина быстро прожевала и проглотила, тихо дымясь.

- А теперь объясни мне, почему ты так неуважительно относишься к своей матери, которая все утро готовила завтрак, а ты даже не хочешь сесть и оценить его?

- Даад, я опаздываю, у меня встреча с Минато, нас сегодня назначили на одну и ту же миссию, и мы встречаемся раньше, чтобы вместе подготовиться, у меня нет времени на завтрак!

Рюми ласково улыбнулась, увидев, как её дочь хаотично размахивает руками, пытаясь спорить с отцом. Они были очень похожи - она унаследовала его темно-рыжие волосы, характерные для его клана, и обладала той же суровостью в глазах. Однако длина и легкий поток ее волос, а также легкая беззаботная улыбка принадлежали только ей.

Ее муж вздохнул и закрыл глаза в знак поражения.

- Ты проводишь ненормальное количество времени с этим мальчиком...

- Он мой друг, и что из этого? - огрызнулась Кушина, внезапно перейдя в оборону.

- Твой отец хотел сказать, - быстро сказала Рюми, придвинувшись к мужу и положив две руки ему на плечи. - Это то, что вы с Минато стали очень близки, но мы до сих пор не знакомы с ним лично. Мы бы хотели пригласить его как-нибудь на ужин; может быть, ты пригласишь его после миссии?

Лицо Кушины засияло, растянувшись в широкой ухмылке.

- Спасибо, мама! Я уверена, что он будет рад! - быстро крикнула она и бросилась к матери, встав на носочки, чтобы быстро чмокнуть ее в щеку.

- Хай, хай, а теперь иди, пока не опоздала! - Рюми улыбнулась.

Кушине не нужно было слышать это дважды - она радостно помахала рукой и выскочила в дверь с очередным онигири во рту.

Хёдзин Узумаки снова вздохнул и поднес чашку с чаем к губам.

- Я не уверен в этом, Рюми, - тяжело произнес он после нескольких минут молчания, в течение которых женщина начала ополаскивать посуду позади него.

- Он - первый друг Кушины, дорогая, она очень близка с ним.

- Именно это меня и беспокоит, они слишком близки.

- Дорогой, - сказала Рюми, перейдя на ругательный голос. - Они дети, им едва исполнилось тринадцать. Тебе не стоит беспокоиться о таких вещах.

Еще один тяжелый вздох донесся до ее ушей.

- Ты, конечно, права, но меня беспокоит не настоящее, - сурово сказал он, и Рюми нахмурилась.

- Давайте подумаем о будущем, когда оно появится на нашем пороге.

- Ты не хуже меня знаешь, что такая дружба легко перерастает в увлечение.

- Дорогой, твоя дочь еще ребенок; не надо пока строить из себя строгого отца. Ты слишком опекаешь ее без причины. К тому же, что с того, Минато - милый мальчик, вся деревня его хвалит, - Рюми говорила это с отчаянием.

Её муж действительно раздувал из мухи слона. Неужели он забыл, что их дочь еще совсем маленькая?

- Рюми... Ты знаешь, что дело не только в том, что я выполняю свою роль отца. Как опекуны Кушины, мы не можем позволить Минато Намикадзе сделать такой выбор, не будучи полностью информированными о... ситуации Кушины.

Он сказал, последнее слово было тяжелым на его языке.

- Это только навредит мальчику. Мы также не можем информировать его, он еще ребенок.

- Именно. Он просто ребенок. Даже если бы это было не так, мы не должны были бы ничего ему сообщать, это бремя Кушины, и это ее выбор - разделить его. Хёдзин, быть Джинчурики не значит, что у Кушины нет чувств или что кто-то не может испытывать к ней чувства. Как ее опекуны мы будем защищать ее от опасностей, которые эти чувства представляют для нее и ее близких, но как ее родители мы также будем поддерживать ее. Пока что отбросьте эти мысли. До будущего еще есть время. Позвольте ей наслаждаться настоящим.

Негромкое ворчание, раздавшееся позади нее, было всем, что ей было нужно, прежде чем она улыбнулась.

Он еще раз осмотрел местность, пытаясь уловить хоть что-нибудь необычное. Луна была почти полной, поэтому ночь была светлой - подкрасться к ним было бы трудно.

Не увидев и не услышав ничего необычного, он вернулся к тонкому листку бумаги, над которым работал, аккуратно выписывая кандзи в замысловатой паутине и вливая в нее чакру, чтобы создать простую печать. Он прищурился, пытаясь разглядеть какой-нибудь уголок

маленькой бумажки и убедиться, что ничего не упустил. Скучный свет заставил его придвинуться ближе к огню, стараясь лучше видеть.

Его взгляд невольно скользнул по двум фигурам рядом с ним - Сакумо-сенсей, прислонившийся к дереву, крепко спал, а Кушина, свернувшаяся клубочком под своим дорожным плащом, была столь же безмятежна.

Улыбка появилась на его губах прежде, чем он осознал это, глядя на умиротворенное выражение ее лица и на то, как ее волосы разметались во все стороны, словно ковер из пламени. Он оглянулся на печать, которую формировал, - бумага была того же великолепного цвета, - и его улыбка стала еще шире.

- Да, он сделал хороший выбор.

Полая ветка, подброшенная в костер, треснула, разнеся по тихой ночи громкий треск. Этот звук заставил Кушину нахмуриться в полусонном состоянии, и она вдруг поняла, что ее левый бок онемел от холодной земли. Подавив зевок, она повернулась и открыла глаза, чтобы на всякий случай осмотреть луг. Прошло не так уж много времени после окончания ее смены - Минато все еще стоял на страже, мирно сидя у костра. Ее движение привлекло его внимание, и теперь он смотрел на нее с улыбкой, его руки сжимали что-то маленькое на коленях.

Она улыбнулась в ответ и закрыла глаза, пытаясь снова погрузиться в сон, но сон ускользал от нее. Перед ее глазами возник образ Минато, лицо которого освещалось огнем, а тени играли в его волосах, и она снова подняла голову, как бы подтверждая, что еще не заснула. Минато переключил свое внимание на маленький предмет в своих руках, внимательно рассматривая его с хмурым выражением лица. Это привлекло ее внимание.

Зевнув, она встала и медленно подошла к нему, присев рядом в траву.

- Тебе действительно нужно немного отдохнуть, Кушина, до сих пор ты была начеку, - медленно сказал мальчик.

- Я не устала, - пробормотала она и снова зевнула, на что Минато просто поднял бровь. - Да, я устала, но я не могу заснуть, ты знаешь.

Она тихо сказала, глядя на своего сенсея, не мешают ли ему их голоса. Тот, казалось, действительно спал, проведя большую часть ночи на страже.

- Так что же ты делаешь? - с любопытством спросила она, заглядывая ему через плечо, чтобы посмотреть, что он держит в руках.

К ее удивлению, он отодвинул его в сторону, и на его лице появилась нервная улыбка.

- Это..., - начал он, но остановился на середине, внимательно глядя на нее.

Брови девушки сошлись в подозрении.

- Что, знаешь? Ты разрабатываешь какую-то новую технику? - спросила она с досадой, отстраняясь.

К ее удивлению, он тихонько засмеялся.

- Полагаю, я мог бы показать тебе, ведь это уже десятый по счету.

Он сказал тихо, и она не могла не заметить нервный оттенок в его голосе. Это еще больше разожгло ее любопытство.

- Дай мне свою руку.

Кушина уставилась на него расширенными глазами, чувствуя, как ее щеки потеплели. Правильно ли она расслышала? В наступившей тишине раздался громкий треск огня, заставивший ее оцепенеть от неожиданности.

Минато протянул свою руку, ожидая, что она возьмет ее. Она замешкалась на секунду, но потом сделала то, что он просил, почувствовав, как по руке побежали мурашки от теплого прикосновения. Он улыбнулся, осторожно повернул ее руку ладонью вверх и положил на нее свою вторую руку.

- С днем рождения, Кушина, - прошептал он, убирая свои руки, оставляя ее смотреть на маленький листок красной бумаги, который он положил ей на ладонь.

- Эм... спасибо?

Это все, что она смогла сказать, подняв вопросительный взгляд на его лицо.

Он усмехнулся и поднял руку перед лицом, быстро поставив печать. Листок бумаги в ее руках внезапно ожил, складываясь многократно, словно направляемый невидимыми руками. Кушина в изумлении смотрела, как он постепенно стал напоминать цветок - идеальную имитацию цветка, настолько, что он уже не был похож на бумагу, а был похож на настоящий цветок.

Красивый красный цветок сакуры лежал на ее ладони, мягко пульсируя от едва заметного прилива чакры.

Как только он перестал складываться, приняв окончательную форму, воздух наполнился его запахом. Может ли бумага иметь запах? Эта определенно имела, напоминая ей о весеннем дне, проведенном на Поле Три под вишневыми деревьями, когда она смеялась, глядя на каскад таких же цветов, только белого цвета, падающих на нее.

Девушка не могла не смотреть на него, ее рот сложился в беззвучное «о», потрясенная внезапным всплеском эмоций. Он вспомнил о ее дне рождения. Он сделал ей подарок, нет, самый замечательный подарок. Он был прост, но именно это и делало его таким прекрасным. Никто никогда не дарил ей подарков, исключая родителей, поэтому она потеряла дар речи. В этот раз она не знала, как реагировать.

Она медленно подняла глаза, чтобы встретиться с его теплыми голубыми глазами, и моргнула, увидев... нерешительность? Мальчик взял оригами из ее рук с преувеличенной медлительностью, словно ожидая, что она отпрыгнет от него, а затем наклонился вперед. Кушина замерла, щеки пылали, сердце гулко стучало в ушах.

Минато не заметил, а если и заметил, то сделал вид, что не заметил, когда его рука аккуратно заправила ее волосы за ухо, положив цветок сакуры за него и закрепив его заколкой. После этого он быстро отстранился, кивнув сам себе, на его лице была та же теплая улыбка, что и раньше, а щеки покраснели в тон ее щекам.